

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Разрушительница пирамид : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Авантюрный детектив. Романы Т. Поляковой).

ISBN 978-5-04-100072-1

Все началось ни много ни мало — с Пикассо! По неосторожности разбив стекло на портрете работы Пикассо, Ева решает незаметно вынести картину из дома богатого старика, где оказалась почти случайно. А когда она возвращается из багетной мастерской, выясняется, что в доме побывали грабители и убили хозяина. На месте преступления работает полиция, поэтому вернуть портрет оказалось весьма проблематично. Саму Еву пытаются похитить малодружелюбные незнакомцы, но на помощь девушке приходит «юноша со взором горячим». Он представляется Саввой Долгоруковым и предлагает Еве, а также ее мамуле с тренером по йоге переждать опасные времена в его огромном доме. Тем более попытки похищения, покушения и убийства лишь набирают обороты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100072-1

© Полякова Т.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Беды, если идут, идут
не в одиночку, а толпами.

Шекспир

Вишенка на торте... Именно это дурацкое выражение пришло мне в голову, когда стекло на картине пошло трещинами. То есть выражение вовсе не дурацкое, а вполне себе нормальное, вот только совершенно точно явилось не к месту. Или не ко времени. Хотя как посмотреть. В ироничном смысле очень даже подходит, ведь, насколько я помню, означает оно заключительный штрих или что-то в этом роде. Короче, заключительная пакость этого идиотского дня.

Последнее время у меня все дни такие, но сегодня судьба, как видно, решила меня доконать. Начнем с того, что мамуля с утра не отвечала на звонки. Тревожный знак. На девяносто девять процентов можно быть уверенной: она опять себе «позволила». Это мамино выражение, а не мое. Говоря попросту, мама с некоторых пор подружилась с бутылкой. Еще одно дурацкое выражение... Щедра я на них сегодня... Если совсем просто, мама пьет как лошадь, и от этого мое существование лучше не становится. Уж можете поверить, мне и без маминых запоев есть чему порадоваться. В переносном смысле, само собой.

Двадцать три года моей жизни были вполне благополучными и ничем не примечательными. Мама, папа, я — дружная семья. Я окончила школу, потом

институт, дважды успела влюбиться, один раз вполне счастливо, едва не выскочила замуж.

Но жизнь внезапно дала крен, и стало не до замужества. В результате возлюбленный женился на моей подруге. Они уже год как развелись, и я, в общем-то, считаю — мне повезло. По крайней мере, разводиться мне не пришлось. Кирюха винил во всем меня и утверждал, что, женись он на мне, жил бы в браке долго и счастливо. Не факт, кстати. То есть он-то, может, и жил бы, вопрос: на сколько бы хватило меня? Олеська, это моя подруга, а теперь его бывшая, уверяет: он страшный зануда, жадина и врун. Подозреваю, она куда ближе к истине, чем Кирюха, который, в самом деле, любит наводить тень на плетень. Короче, я на них не в обиде. А даже напротив. Но их свадьба, как вы понимаете, поначалу жизнь мне сильно испортила. Я в меру сил страдала и пару раз рыдала по ночам, хотя это и не стало самым трагическим происшествием в моей жизни. Куда больше я переживала развод родителей. С этого, собственно, и начались мои несчастья.

Когда мне было двадцать три и жизнь представлялась безоблачной и полной надежд, папа встретил женщину. Надо бы написать это слово с большой буквы, раз уж появление этой дамы так повлияло на мою жизнь. Но вот беда: на заглавную букву в слове «женщина» папина Раиса не тянула. Она добродушная тетка, которая смотрит папе в рот, и в этом, боюсь, ее основное достоинство. Если не считать борща. Борщ Раиса варит классно. Мама от готовки всегда отлынивала, а в рот папе заглядывала, разве что когда он на горло жаловался. Папа, будучи типичным подкаблучником, маму побаивался. И все, уж мы-то с мамой точно, верили: так будет всегда. Но тут появилась Раиса... Ей было хорошо за сорок, пятнадцать из которых она жила с котом по кличке Люций (полное имя

Люцифер, намек на то, что тетка могла удивить), вязала шарфики племянникам и продолжала мечтать о любви. Могла бы мечтать и дальше, но тут ее сократили на прежнем месте работы, и она устроилась в папин отдел чертежницей. Это была судьба. Однако у нас имелись все шансы пребывать относительно нее в неведении, если бы не досадный папин промах и мамин характер.

Засыпался папа на ерунде: подарках к Восьмому марта. Мама до трех считать умела и взялась за папу всерьез. Тот вечер останется в памяти навсегда. Мы с папой заперлись в ванной (я вовсе не из-за солидарности, а из-за боязни схлопотать под горячую руку). Мама бушевала за дверью, и только недавний ремонт, влетевший в копеечку, удерживал ее от того, чтобы не выбить к чертовой матери дверь. Понимая, что долго мы в ванной не протянем, я уже начала сочинять эпитафию, что-то вроде «мама любила папу, папа любил другую женщину, здесь лежит папа».

Но мама, прокричав «вам же хуже», удалилась, громко хлопнув входной дверью. Папа принялся каяться и взывать к моему пониманию, а я кивала, искренне считая: папа с перепугу забудет про Раису уже завтра, и наша жизнь пойдет как прежде. Но мама показала характер, сказав папе «убирайся отсюда», что он и сделал, подозреваю, с большим облегчением. Полгода мама держалась, уверенная: папа со дня на день вернется. Папа не возвращался. Я объяснила Кирюхе, что идти замуж в настоящий момент не могу из этических соображений. Мама страдает, а тут я со своим счастьем. Надо подождать. Однако ждать он не стал и женился на Олеське, впоследствии объяснив это так: меня он любил, но в Олеське видел идеальную кандидатуру на роль жены. И, само собой, лопухнулся (мне ли не знать, как подружка придуривается). А женился мне назло. Ну не дурак ли, прости госпо-

ди... Лишний повод решить, что повезло тогда мне, а вовсе не Олеське.

В общем, полгода выдались насыщенными: мы с мамой страдали, но держались. Так как Раиса жила в общежитии и папа переселился к ней, неминуемо возник вопрос о разделе квартиры. Когда папа об этом заикнулся, я вновь принялась сочинять эпитафию. А мама презрительно сказала:

— Подавись.

И квартиру родители продали. Тогда в мою душу и закралось сомнение, что у этой истории возможен счастливый конец. Для некоторых членов нашей семьи, я имею в виду. Мама, взяв ипотеку, купила «трешку» в новом доме и не только вошла в кабалу, но и ухнула все деньги от продажи квартиры и нажитые за предшествующие счастливые годы. Мне эта «трешка» была костью в горле — мы вполне могли пожить в однокомнатной квартире, которая досталась мне от бабушки. Учитывая ситуацию на обоих любовных фронтах, жили бы долго и счастливо. Но мама хотела утереть папе нос. Совершенная нелепость, учитывая, что папа в эйфории собственного счастья маминой квартирой не особо интересовался.

На ремонт спустили последние деньги и залезли в долги. Мама осталась одна в роскошной «трешке», толком не зная, что в ней делать. И тут фирма, где она работала, приказала долго жить. Хозяева сбежали за границу, успев вывезти свои кровные, а заодно и чужие. Мама лишилась работы и надежды на лучшее будущее. С работой, в самом деле, было туго, но за ипотеку надо платить, и мама пошла в строительную организацию, где все, по ее выражению, «дышало на ладан», и, наверное, по этой причине сотрудники без конца что-то отмечали, проще говоря, по малейшему поводу пили.

В тяге к зеленому змию мама ранее замечена не была, оттого процесс перехода из мира трезвенников в мир сильно не трезвых я бездарно проворонила, занимаясь в основном своими проблемами, которых тоже был вагон.

Как выяснилось позже, это были не проблемы, а сущая ерунда по сравнению с открывающимися перспективами. Когда маму поперли с работы, я кинулась за помощью к папе. Мама сделала ход конем, заявив, что я вовсе не его дочь. И хоть папа уверял, что все это выдумки и слушать маму в ее состоянии себе дороже, но червь сомнения в душу закрался. Не в том смысле, что папа мне не родной, а в том, могли и впредь доставать его нашими проблемами или правильнее дать человеку возможность отдохнуть от семейных уз. Короче, жизнь мне мама существенно усложнила.

Мама меняла работу за работой, и каждая последующая была хуже предыдущей.

Вот так мы оказались в доме Константинова. Поначалу там оказалась мама. После очередного увольнения она близко сошлась с моей соседкой Тамарой Васильевной, дамой гренадерского вида и такого же характера. У нее было что-то вроде агентства сиделок. То есть официально не было ничего — Тамара числилась пенсионеркой, но подработать была не прочь и, когда ее бывший начальник слег, пошла к нему в сиделки. Работа растянулась на несколько лет. Справиться одна Тамара была не в состоянии и подтянула подруг из тех, что покрепче. Они и стали костяком будущего агентства.

Старичок, за которым они ухаживали, почил, но без работы тетки не остались, напротив, оказались нарасхват. Тамара составляла графики работы, занималась инструктажем, в общем, являлась негласным лидером команды, число членов которой перевалило

за два десятка. Мама в сиделки не годилась, терпением ее бог обидел, и Тамара пристроила ее домработницей к Константинову, с которым вечно были проблемы. По крайней мере, если верить Тамаре и ее жалобам.

Старик нуждался в круглосуточном присмотре, но «жмотничал», из-за чего Тамаре приходилось составлять графики виртуозно, дабы не задействовать лишних людей.

Мне старик не нравился. Свести с ним знакомство пришлось довольно скоро. Чтобы мама не лишилась и этой работы, я ее несколько раз подменяла, здраво рассудив: лучше побыть в роли уборщицы, чем потом пристраивать маму, тем более что пригодных для этого мест в городе практически не осталось.

Старик меня терпеть не мог, впрочем, вряд ли кто-то был ему в принципе симпатичен. Если вам интересно мое мнение, он всех отчаянно ненавидел. И сожалел разве только о том, что не мог отправить окружающих на тот свет чуть раньше себя. Но очень старался. Сиделкам от него доставалось, держались они из последних сил и втайне молились, чтобы старик поскорее преставился. В общем, пожелания Константинова и обслуживающего персонала были схожи, вопрос, на чью мольбу господь скорее откликнется.

Звали старика Лев Сергеевич, когда-то он был большим партийным начальником, а сейчас орал на сиделок, лежа на кровати в памперсах, хотя до туалета был вполне способен дойти. По крайней мере, совершенно точно за мной подглядывал, когда я мыла ванну, стоя в позе, которая, должно быть, очень ему приглянулась, иначе бы он не залип там на полчаса. Сиделка в это время мирно дремала, и старикан решил, что я ничего не замечаю.

Что за мысли бродили в его лысой голове, мне неизвестно, но, когда я убиралась в спальне, где он

возлежал, Лев Сергеевич вдруг ни с того ни с сего сказал:

— Шлюха!

Сиделка все еще дремала, оттого я в долгу не осталась, шепнув в ответ:

— Старый извращенец.

С той поры он норовил сказать мне гадость, запустить в меня тарелкой, а то и вовсе ущипнуть. За щипки я безжалостно била по рукам, но толку от этого не было. В общем, каждое мое появление в доме Константинова отдельное испытание, и, когда выяснилось, что мама на связь не выходит и убирать вместо нее вновь предстоит мне, я злобно выругалась и помянула мамулю недобрым словом, наплевав на дочерние чувства.

Вечером мы с Олеськой собирались в кино, и к Константинову я отправилась пораньше.

Жил он в тихом переулке рядом с церковью, можно сказать, в самом центре города, хоть и в стороне от туристических троп. Дом не выглядел особенно большим, в те времена, когда его возводили, строить дворцы было еще не модно. Стены прихожей, кабинета и столовой обшиты панелями из красного дерева, впечатление такое, что это декорации к фильмам времен хрущевской оттепели или вовсе кровавого сталинского режима. Должно быть, от этого мне сразу становилось не по себе.

В дом меня впустила Светлана Петровна, одна из сиделок, и тут же принялась жаловаться:

— Ирина в отпуск отправилась, а Олег ей на смену никого брать не хочет. Сами, говорит, справляйтесь. А как справляться? Кто сегодня в ночь со стариком останется? Я не могу. Я ему об этом еще неделю назад сказала. Иркина смена должна быть, а Ирки нет.

Пока я переодевалась, она продолжила развивать тему, вслед за мной протопав в кухню. Я бы предпоч-

ла музыку послушать, надев наушники, но к Светлане я относилась очень хорошо, потому что она хорошо относилась к мамуле, и наушники надевать не стала, пробормотав что-то сочувственное.

— Евочка, может, ты на ночь останешься? — неожиданно предложила она.

На это моего хорошего отношения явно не хватало.

— Нет, Светлана Петровна, у нас с ним отсутствует взаимная привязанность, да и навыков сиделки у меня нет.

— Да какие навыки? Ляжешь спать... а утром я приду.

— Ляжешь, как же... А если старикан чудить начнет, а я не сдержусь и запущу в него чем-нибудь тяжелым?

— Ты можешь, — косясь на меня, кивнула она. — А мамка твоя посидеть бы не смогла?

— Боюсь, мама очень занята.

— Ну да... чего-то я не подумала... С другой стороны, какая разница, где ей спать?

Может, разницы и не было, но оставлять нетрезвую мамулю с вреднящим стариком я бы поостереглась, потому что сразу отмела эту идею.

— Я до нее дозвониться не могу. Дома ее нет. Учитывая уроки прошлого, вряд ли она в ближайшие два-три дня там объявится или про телефон вспомнит.

— Да, — вздохнула Светлана. — Пожалуй, ты права... Что же делать-то? Нет у меня сил сутки здесь сидеть. Эдак я сорвусь и тоже тяжелым начну швыряться. Сегодня тарелку с кашей в меня запулил. Вот ведь вражина! Пришлось постель менять, стену оттирать да пол мыть, а мне своей работы за глаза. Черт противный, — пробормотала она.

— Вы Олегу позвоните, — посоветовала я.

Олег — племянник старикана. Он тут был за главного. Жена Константинова умерла два года назад, де-

тей у них не было, и Олег, по словам все той же Тамары, не чаял дожидаться наследства. Хотя и без него претендентов хватало. У старика трое племянников, сестра и брат жены, который тоже к чужому добру присматривался. По мне, так было бы к чему. Дом, конечно, стоил денег, но, поделенный на пять частей, вряд ли мог потрясти воображение. Правда, Тамара утверждала, что денег у старика завались, а гад Олег их зажимает, чтоб ему больше досталось. Еще имелись антикварная мебель, картины в гостиной и, конечно, портрет. Про него мне рассказал Олег.

Портрет висел возле лестницы на втором этаже. До разговора с Олегом я пару раз протирала деревянную раму, мало обращая внимания на изображение. С моей точки зрения, это было не особо похоже на портрет, хотя чья-то физиономия угадывалась.

Я как раз терла стекло, когда Олег решил меня просветить.

— Пикассо, — заявил он, кивнув на рисунок.

Олег из тех парней, кто считает себя пупом земли, а всех прочих недоумками. Пытался меня облапать еще в самый первый приход сюда, наверное, решив: если я мою полы в доме его дяди, так мне за счастье такое внимание. Должно быть, у них с Константиновым это семейное, я имею в виду — руки распускать. Я доходчиво посоветовала от подобных знаков внимания воздержаться. Он вроде понял, по крайней мере, пасся на расстоянии, а через пару недель пригласил меня в ресторан, решив произвести впечатление щедростью души. Я ответила, что болтаться по ресторанам у меня времени нет. На этом мы закончили, но смотрел он на меня в редкие минуты наших встреч с неудовольствием, и, по моему мнению, от него можно было ожидать любой пакости. Такие типы мне хорошо известны, оттого его слова о картине вызвали большие сомнения. Наверняка решил поприкалываться.

— Да? — сказала я.

— Серьезно, — уловив это самое сомнение, кивнул он с намеком на обиду. — Отец Льва Сергеевича был дипломатом и свел знакомство со многими известными людьми. С некоторыми даже дружил.

— С Пикассо?

— С Пикассо нет, но то ли выставку его устраивал, то ли еще что-то... Не помню. Они несколько раз виделись и прониклись друг к другу симпатией. Иначе с какой стати Пикассо его портрет рисовать?

— Не особо это на портрет похоже, — усмехнулась я.

— А ты вообще картины Пикассо видела?

— Где уж мне. В нашей деревне только клуб, и тот сгорел прошлым летом.

— Ладно, чего ты... — нахмурился Олег. — Я же не в том смысле... Я, кстати, знаю, у тебя хорошее образование и работа. Ты точно не бедствуешь, а здесь из-за матери... — Голос его был слаще меда.

Стало ясно: меня нагло охмуряют, и я сказала сурово:

— Давай про Пикассо.

Олег вздохнул и досадливо покачал головой:

— Это портрет отца Льва Сергеевича, дядя завещал его нашему музею. После своей смерти, естественно. Хотя мог бы и сейчас отдать, в живописи он ничего не смыслит и Пикассо мазней считает. Подпись видишь? — ткнул пальцем Олег.

Подпись точно была.

— Портрет теперь огромных денег стоит.

— Тогда о нем лучше помалкивать. — С этими словами я отправилась вниз по лестнице, оставив наследника тосковать возле шедевра.

Олег был старше меня лет на десять, то есть вполне себе взрослый мужик, но выглядел довольно нелепо. Невысокий, полненький, он носил штаны в клет-

ку, серьгу в ухе, супермодные стрижки и кроссовки на босу ногу. В общем, походил на пожилого подростка, однако все равно мнил себя пределом мечтаний любой девицы репродуктивного возраста. Временами это веселило, но не так часто, если честно. На мысли о нем попросту не хватало времени.

Однако сейчас я о нем вспомнила. И Олега, и Пикассо, и свои руки, не тем концом вставленные. Я выжимала тряпку, держа на весу «лентяйку», и тут услышала за спиной характерный звук. Оглянулась и увидела картину... Точнее, увидеть ее оказалось затруднительно, портрет был под стеклом, а стекло треснуло от удара ручкой «лентяйки». Я тупо таранилась на паутину трещин на стекле, не понимая, как это могло произойти. Однажды в лобовое стекло моей машины попал камушек, совсем маленький, а трещины пошли по всему стеклу. Парень на техстанции объяснил: на каждом стекле есть некая слабая точка, куда лучше не попадать. Похоже, именно в нее я сейчас и попала. Вот тогда и явилось дурацкое: «вишенка на торте». В добавление к моим проблемам (а я еще не обо всех успела рассказать) теперь и это. Я представила, что скажет Олег... Не дай бог еще и старикан узнает! Допустим, я их нравоучения как-нибудь переживу, а вот мамуля вряд ли. Она нравоучений не жалуется, разумеется, если не сама их произносит. Пошлет она и Олега, и старикана, и что я буду делать с безработной мамой и ее ипотекой?

Я сняла портрет, ожидая какого-нибудь сюрприза типа сигнализации, но ничего не произошло. Картина висела на одном гвозде, никаких ловушек не наблюдалось. Видеокамер в доме, кстати, тоже не было.

«Странные люди, — думала я. — Хранить в доме дорогую вещь, пренебрегая элементарными правилами безопасности».